

И. С. КНИЖНИК-ВЕТРОВ

Анархизм, его теория и практика

Предисловие

1. Анархическая литература

Настоящая брошюра представляет собою посильную попытку ознакомить широкую публику с социально-политической системой, которая в последнее время начинает, наконец, выдвигаться на передний план истории и встречает все больше и больше последователей как среди ученых, так и среди политических борцов и мучеников.

Эта брошюра не является выражением мнения ни анархической партии, ни даже одного какого-нибудь известного анархического писателя: она просто — личное мнение автора, образовавшееся совершенно самостоятельно, но при позднейшем влиянии анархической литературы.

К лучшим анархическим сочинениям на русском языке принадлежат:

1) П. А. Кропоткина: «Узаконенная месть, именуемая правосудием»; «Хлеб и воля»; «Распадение современного строя» и др.

2) Л. Н. Толстого: «Царство Божие»; «Рабство нашего времени»; «Об отношении к государству», «Единое на потребу» и др. (все изд. «Своб. слова»).

3) Жана Гравы: «Умиряющее общество и анархия».

4) Весьма ценны также многие места из сочинений М. А. Бакунина и А. И. Герцена, которые при всей огромной разнице в их практической деятельности, одинаково остались до конца своей жизни убежденными анархистами. Важна для всякого анархиста также 4-я глава из книги П. Л. Лаврова: «Государственный элемент в будущем обществе».

5) Из вторых рук с анархизмом лучше всего можно познакомиться по книге профессора в Галле и судьи д-ра Пауля Эльцбахера «Анархизм» (рус. перевод издан в Берлине Гуго Штейницем).

Цель настоящей брошюры — не заменить указанные здесь книги, а заинтересовать ими и распространить их идеи в широкой публике.

2. Определение анархизма

Слово «анархизм» имеет 2 значения. Оно означает, во-первых, безначалие, хаос, беспорядок, во-вторых, — отсутствие регламентами извне, свыше, т. е. автономия, самоуправление. Оба эти понимания анархизма имеют своих представителей среди анархических писателей. Сторонники анархизма в первом смысле не задаются никакими положительными задачами; они желают разрушить современный буржуазный и основанный на насилии строй и не стараются предугадать, что из этого разрушения выйдет: они просто верят, что дух разрушения явится на развалинах и благотворным созидующим духом. В русской литературе выразителем этого воззрения был Нечаев, а теперь является журнал «Безначалие» (Оценку этого направления см. в относящихся к Нечаеву Письмах М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, изд. Драгоманова). Сторонники анархизма во втором значении этого слова не довольствуются одним отрицанием существующего социально-политического строя, а стараются указать, чем именно необходимо его заменить, причем обнаруживают в некоторых политических и социальных тенденциях современности зачатки того, что, будучи очищено и развито до конца, могло бы привести к желанному идеалу. Эти вторые сторонники анархизма стремятся в области политики к установлению основанной на вольном соглашении федерации самоуправляющихся групп людей, а в области экономики — к установлению коммунизма, т. е. такого строя, хозяйственной жизни, при котором всякий работает и потребляет сколько хочет и может. В отрицании существующего социально-политического строя эта система, вследствие определенности ее конечных целей, тоже является очень основательной в доводах и имеет тесную связь со многими культурными течениями нашей эпохи. Она стремится к упразднению милитаризма и всякого рода войн, а также криминализма, т. е. уголовного рабства, производимого

всякими правительственными судами, как бы либеральны они ни были. Представителями этого понимания анархизма являются П. А. Кропоткин, Л. Н. Толстой, Жан Грав, Элизе Реклю и другие. Это же направление выражает франц. журнал «Les temps nouveaux» и журналы «Хлеб и воля» и «Свободное слово» (изд. в Англии).

3. Философское обоснование анархизма

Большинство анархических писателей придерживается философии позитивизма или материализма, а в религии заявляют себя атеистами. Один только Л. Н. Толстой и журнал «Свободное слово» основывают свой анархический идеал на метафизике и религии (см. стр. 47 «Единое на потребу» Л. Н. Толстого). Пишущий эти строки, исходя из идеалистической философии кантианства, впервые утвердившего принципы — социальности в теории познания и автономии — в морали и праве (см. А. Riehl. *Der philosophische Kriticismus*. 2 тома) и выяснившего истинный характер метафизики и религии (см. Паульсен. Введение в философию), склоняется ко второму из этих воззрений.

Надо бороться со всякого рода схоластикой и софистикой в области *знания* и со всякого рода мракобесием и суеверием в области *веры*. В этом смысле нельзя быть сторонником той метафизики, которая не прошла через фильтр кантианской критики; нельзя также быть воинствующим церковником и сторонником любой из положительных религий. Но ни метафизика как идеал целостного знания, возвышающегося над ограниченным опытом одной только науки, ни религия как выражение наших мистических чаяний — не должны отрицаться в их чисто идейном принципе. Сущность метафизики — в теоретическом стремлении обнять и охватить *всю* совокупность мира вопреки нашей земной ограниченности, которую проникновение положительной наукой делает лишь все более и более очевидной.

Сущность религии — в потребности веры, в сверхразумной уверенности, что какая-то высшая сила даст конечную победу нашим лучшим стремлениям вопреки видимому торжеству зла в современной нам действительности. Великая теоретическая ошибка всех социально-политических партий наших дней заключается в том, что они этого не понимают. Вследствие того печального факта, что государственная власть и капитализм всегда

пользовались фальсифицированной метафизикой и вульгарной религией как средством для порабощения и эксплуатации народов, они заявляют себя врагами метафизики и религии вообще. Я мог бы сказать, что с таким же правом они могли бы ненавидеть математику и политическую экономию вообще за то, что многие ученые пользовались ими для обоснования и оправдания своих эксплуататорских теорий.

4. Анархизм и существующие социально-политические партии

Анархизм как социально-политическая система является естественным логическим следствием буржуазного либерализма, с одной стороны, и авторитарного социализма — с другой.

Недостаток буржуазного либерализма в том, что он требует одних лишь политических реформ в духе «Декларации прав человека и гражданина» и совершенно не касается социальной стороны жизни, т. е. вопроса о реформе собственности. <...> Для всякого мыслящего человека очевидно, что буржуазный либерализм, как социально-политическая система, выгоден только для капиталистов и правительственных лиц. Как бы последние ни уверяли, что посредством постепенных реформ они сгладят вопиющие несправедливости современного общественного строя, им нельзя верить, потому что самый принцип буржуазного либерализма невыдержан логически, является половинчатым в политике и насквозь консервативным и реакционным в экономической области.

Недостаток авторитарного социализма в том, что он хочет воспользоваться государственной властью для того, чтобы декретировать всемирную федеративную республику с установлением общественной собственности на землю и средства производства. Авторитаризм приводит его к признанию права за правительством принуждать людей работать так и тогда, как и когда это необходимо будет в видах правительства; тот же авторитаризм приводит его к регламентации потребления (см. Anton Menger. Neue Staatslehre)*. Нет уверенности, что на всякого слушника правительства не будут смотреть как на внутреннего врага, которого будут заключать в рабочий дом или как-нибудь иначе

* Издано на русск. яз.: Менгер «Новое учение о государстве». Ц. 60 к.

познакомят с криминализмом. Авторитарный социализм основан на недоверии к индивидуальной инициативе людей, вся общественная жизнь втискивается в бюрократически рамки видов и предначертаний социалистического правительства, избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Как и при буржуазном либерализме, можно опасаться, что страх перед «внутренним врагом» заставит правительство упразднить полную свободу совести, слова, печати, собраний и союзов и произвольно отменять их всякий раз, когда они будут расходиться с благовоззрениями предержавной власти. Как бы авторитарные социалисты ни уверяли нас, что в тот день, когда они захватят власть, станет возможной жизнь, при которой всякому будет доступно экстенсивное и интенсивное развитие его телесных и духовных сил, мы не можем им поверить. Ибо принудительная регламентация сверху не вяжется с свободой, и казарменный режим не может способствовать воспитанию человека в истинном значении этого слова. Прогресс промышленности и науки будет задержан, не говоря уж о том, что социалистическое правительство может злоупотреблять своей властью не меньше самодержавного монарха и заботиться не о просвещении, а о затемнении сознания и воли народа для своей правительственной выгоды.

Анархизм в отличие от буржуазного либерализма и авторитарного социализма является чистым либерализмом в политике и чистым социализмом в социальной области. Провозглашая логически проведенную до конца свободу совести, слова, печати, собраний и союзов, он идет далее и провозглашает также свободу поведения, свободу человеческих поступков; к автономии политической он добавляет автономии социальную. Он устраняет не только милитаризм и криминализм, но и всякий бюрократизм и правительственный произвол.

Цель анархизма — сделать возможным такой строй общественной жизни, при котором всякий человек мог бы как ему угодно развивать свои телесные и духовные силы. Средством для этой цели служит индивидуальная или групповая самостоятельность людей при отсутствии какой бы то ни было насильственной внешней помехи. Земля, все силы природы и орудия труда, представляющие собою результат массовой человеческой культуры, — всё это общая собственность. Никто и ничто, кроме личной инициативы и общественного мнения, не вынуждает никого делать или не делать что бы то ни было. Люди конкури-

руют с людьми, группы — с группами, но это конкуренция лишь на пути положительного прогресса. Нет никаких наказаний и наград, кроме внутреннего сознания своей неразвитости или сознания полноты деятельности, нравственного одобрения или порицания общественного мнения.

Все человечество является федерацией, живущей по вольному соглашению отдельных лиц или групп, смотря по хозяйственной или культурной цели данного момента. Возможны группы, насчитывающие миллионы членов и рассеянные по всему земному шару, каковы члены какого-либо ученого общества, или почтового союза, всемирных железных дорог или пароходства. На основании свободного соглашения возможно установить самую сложную централизацию и детальнейшее разделение труда всякий раз, когда это для интересов хозяйства или культуры оказывается необходимым, но в то же время не противоречит интересам личной свободы. Нет территориальных границ, но всякая нация свободно проявляет присущие ей особые черты, обогащая человеческий дух разнообразием оттенков. Не казарменное упрощение, а самое широкое разнообразие ведет за собою анархический коммунизм, основанный на индивидуальном почине, морально-культурной конкуренции, свободном разделении труда и устанавливаемой лишь по вольному соглашению централизации. Анархический коммунизм сохраняет всё лучшее, что есть в современном буржуазном мире, совершенно устраняя его худые начала и заменив их равной свободой для всех при общественной собственности.

5. Анархизм и «всеобщее счастье», «свобода», «равенство» и «власть»

Сделает ли анархизм человечество счастливым?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что счастье для человека — то, что доставляет ему удовлетворение в данный момент. Одному доставляет удовлетворение хорошая пища, умная книга, другому — ленивое лежание или основательная хандра. Один счастлив своим счастьем, другой — своим несчастьем. Всякое удовольствие — даже удовольствие от неудовольствия — имеет свою интенсивность и длительность, естественных границ которых ему нельзя переходить для того, чтобы не превратиться с свою противоположность. <...>

Если все это так, то анархизм меньше всего способен дать человеку определенное реальное счастье. Единственное, что он может дать, — это возможность вечной погони за ним. В анархическом строе, как и теперь, человек вечно будет недоволен, вечно будет искать, почувствует себя счастливым на мгновение, чтобы потом тяготиться прошлым и настоящим счастьем и искать нового.

Тоже и с вопросом о свободе и равенстве. Свободен тот, кто внутренне преодолел страх перед внешним авторитетом и силой и может повиноваться лишь велениям своей совести и разума. Безусловной свободы не существует уже потому, что нельзя человеку освободиться из рамок своей земной природы, часто несовершенной с точки зрения тех или иных хозяйственных или культурных целей. <...>

Точно так же и равенство. В природе равенства не существует. <...> Единственное равенство, которое дает анархизм, это — равенство в праве пользования общей землей и культурным наследием прошлых поколений, если данное лицо захочет ими пользоваться. Таким образом, и способность стать равным с лучшими людьми данной эпохи не может быть обеспечена анархическим строем, а может быть выработана лишь индивидуальными усилиями каждого человека.

Анархизм никого не обманывает. Он не может обещать ни счастья вообще, ни свободы, ни равенства, потому что все эти хорошие вещи зависят от духовной и физической самодеятельности людей, а не от того или иного социально-политического строя. Отличие анархизма от всякого иного строя жизни будет заключаться лишь в том, что, тогда как всякий иной строй в той или иной мере мешает индивидуальному развитию людей, анархический строй несколько ему не мешает.

Анархизм не может также задаваться невозможной задачей уничтожить какую бы то ни было человеческую власть. <...> Единственное, от чего анархизм освобождает человечество, это от власти в смысле насилия. <...> При анархизме остается естественная власть (не насилия, а душевного влияния), но совершенно уничтожается насильственная власть, санкционированная или не санкционированная политической или социальной силой, уполномоченной подчинять своей власти путем насилия. Нет полиции, юстиции и войска, значит — нет политической власти; нет частной собственности на землю и на средства производства, значит — нет экономической власти. Остается только власть моральная или интеллектуальная.

6. Где ручательство в прочности анархического строя

Раз естественное неравенство остается между людьми и при анархическом строе, то может возникнуть опасение, что часть общества злоупотребит своим превосходством и путем насилия пожелает овладеть остальной частью общества и, благодаря усовершенствованным орудиям войны, успеет в этом и наложит свое иго на большинство, как это происходит и теперь. <...>

Но не трудно возразить на все это.

Безумная роскошь современных абсолютных монархов и капиталистов, несомненно, будет невозможна, но зато не менее несомненно, что уровень среднего благосостояния возрастет в очень большой пропорции и что все те дары культуры, которыми в настоящее время имеют возможность пользоваться лишь некоторые, станут предметом бесплатного *всеобщего* пользования, как теперь мосты, общественные сады, библиотеки, музеи. Человек все более и более будет проникаться мыслью, что борьба за существование никоим образом не может иметь места *внутри* человеческого общества, а заключается лишь во всеобщем усилии людей, направленном *на силы и явления природы* с целью использования их для человеческих нужд. При таких условиях надо считать людей исчадиями несуществующего ада, чтобы предположить, что злость и эгоизм некоторых будут так велики, что они захотят поработить себе большинство человечества.

Если мы и допустим, что им это удалось бы, то несомненно, что новое состояние рабства не могло бы продолжаться долго. Слишком уж были бы чувствительны люди, пережившие вольность анархического строя, чтобы не возмутиться и не свергнуть своих поработителей. <...>

7. Утопичен ли анархизм?

Многие говорят, что анархизм как идеал хорош, но он утопичен, что люди не могут из современного буржуазного строя прямо перейти в анархический и что необходимы посредствующие, подготовительный ступени, и что одна из этих ступеней — путь правительственных реформ в духе авторитарного социализма. Буржуазный строй настолько-де сделал человечество порочным, испорченным, эгоистичным, неспособным понимать интересы солидарности, что есть опасность, что с упразднением правитель-

ственной власти настанет царство не анархического коммунизма, как социально-политического строя жизни, а самой обыкновенной анархии, где произвол силы и право кулака будут свирепствовать без удержу и заглушать все побеги свободы и культуры.

Но все это говорится лишь по явному недоразумению.

Буржуазный строй извратил природу человека... Это так. Но в такой ли пропорции извращена природа человека, в какой буржуазный строй по самому существу своему носит в себе очаг порчи и разврата?

В самом деле, буржуазный строй весь основан на систематическом обирании и обворовывании народных масс, на систематическом членовредительстве и даже убийствах тысяч и десятков тысяч людей на фабриках и заводах, на изнурении народа голодом и всяческими муками. Если хорошенько вникнуть во всю чудовищность преступности буржуазного строя, то можно только удивляться, как мало вызывает он со стороны поработанного большинства людей ответных убийств, членовредительств, краж. <...> Буржуазный строй губителен для правовой жизни, он есть нарушение самой элементарной справедливости, и все-таки — смотрите! — человечество в *этом* строе *так мало преступно!*..

Самое важное, что необходимо иметь в виду при оценке способности людей жить в анархическом строе, есть тот факт, что всякий человек стремится к возможно полному развитию своих физических и духовных сил и, поскольку не встречает в этом препятствия со стороны других людей, постольку и сам на них не нападает. Человек всегда сознает, что нуждается в помощи других людей, в их миролюбии и благорасположении. Даже голый расчет заставляет человека не посягать на чужую жизнь, здоровье и труд. И таков и современный человек из народа, несмотря на то, что его изводит поборами правительство и мучит на египетской работе капитал. Поэтому нет никакого основания опасаться, что современное человечество злоупотребит своею политической и хозяйственной свободой при анархическом строе, и нельзя считать утопизмом мысль, что анархический строй как раз таков, каков должен быть строй общественной жизни не в отдаленном будущем, а даже завтра. <...>

Реакционеры всегда забывают, что предоставление свободы вызывает в людях не желание злоупотребить ею, а порождает в них могучий идейный энтузиазм и небывалые прежде новые братские чувства. Надо только, чтобы общественное мнение

хотя бы передовых слоев современного человечества стало относиться к эксплуатации и управление человека человеком вообще — с таким же святым негодованием и отвращением, с каким передовые русские люди первой половины XIX века относились к крепостничеству.

8. Классовая борьба

Современное человечество делится с точки зрения социально-политической на два класса: богатых и власть имеющих — с одной стороны, и бедных и подвластных — с другой.

Казалось бы, что все бедные и подвластные должны были бы страдать от своего несчастного положения и дружно восстать против богатых и власть имеющих. Тогда победа была бы легка.

Но увы! Большая часть бедняков и подвластных не понимает своего несчастного положения или приписывает его небесной силе и потому находится на стороне богатых и властных, образуя их войско с полицией и юстицией.

Таким образом, последним легко побеждать кучку тех бедняков и подвластных, которые понимают свое положение и встают против него.

С другой стороны, среди богатых и властных, благодаря их образованию, все чаще и чаще встречаются люди, которые защищают не свой класс, а класс бедных и подвластных. Из чисто идейных мотивов они отказываются от своего богатства и власти и идут просвещать бедняков и подвластных. Чем человек выше в духовном смысле, тем чаще он отказывается от принадлежности к привилегированному классу и присоединяется к классу обездоленных.

Так что, в идейном смысле, класс бедных и подвластных, в той своей части, которая поддерживает частную собственность на землю и орудия производства и политическую власть (а это по количеству — большинство), более реакционен, чем класс богатых и властных, выделивший почти всех наиболее выдающихся борцов за интересы народа.

Ввиду этого нельзя относиться со слепой ненавистью ко всем лицам, обладающим правительственной властью и частною собственностью в больших размерах. Они сохраняют свое противное интересам всего человечества положение по недомыслию, которое не более преступно у них, чем у обездоленного класса. Если бы обездоленный класс не был рабски терпеливым и малосознатель-

ным и открыто заявил бы свой протест против учиняемой над ним несправедливости, то власть и капитал давно бы исчезли. Тогда войско — часть обездоленного класса — перешло бы целиком на сторону народа и всякая эксплуатация естественно должна была бы прекратиться.

Вместо общепринятая деления людей на буржуазию и пролетариат я предложил бы различать: 1) сознательных борцов за чистый социализм и 2) противников его и всех, так или иначе помогающих последним. Первые образуют класс анархистов (авторитарные социалисты к нему примкнут рано или поздно); вторые — класс равнодушных, реакционеров, либералов и т. п.

9. Средства борьбы за анархический коммунизм

Анархический строй, как мы видели, весь основан на предположении внутренней свободы и добровольной инициативы людей. Таким образом, подготовка к анархическому строю заключается прежде всего в повышении общего интеллектуального и нравственного уровня человечества. Это повышение ведет необходимо к стремлению к самостоятельности, к автономизму. Самостоятельная инициатива немыслима при современном политико-социальном строе, мешающем этой самостоятельности, и потому современный строй рождает в просвещенном человеке естественное к себе отвращение и решимость бороться против него ради замены его анархическим коммунизмом.

Главным препятствием в этой борьбе является не сила существующей политической и капиталистической власти, а невежество народа, поставляющего этой власти солдат, полицию и юстицию, которые сообща и осуществляют порабощение большинства людей кучкой правителей и капиталистов.

Поэтому первое и самое важное средство для борьбы за анархический коммунизм есть *просвещение*.

Народу необходимо доказать,
что *милитаризм — зло*,
что *криминализм, т. е. суды, тюрьмы и гильотины — зло*,
что *частная собственность на землю и средства труда — зло*,
что *авторитаризм и бюрократизм в духе ли буржуазном или социалистическом — одинаково — зло*,
что *всестороннее развитие телесных и духовных сил человека — добро*,

что солидарность людей — добро, что соревнование людей на почве индивидуального телесного и духовного развития — добро,

что все существующие религии, поскольку они потворствуют суеверию, милитаризму, криминализму, патриотизму, частной собственности и бюрократизму и поскольку противятся всестороннему развитию личности, солидарности и культурному соревнованию людей, — зло,

что всякая научная теория, поскольку она потворствует схоластике и софистике, милитаризму, криминализму, патриотизму, частной собственности и бюрократизму и поскольку она противится всестороннему развитию личности, солидарности и культурному соревнованию людей, — зло,

что надо раз навсегда оставить надежду на либеральные реформы от правительства или на победу авторитарной социалистической партии и помнить, что освобождение народа может быть делом лишь самого народа.

Все это по части пропаганды. Что же касается анархических дел, то прежде всего ни один анархист не должен участвовать во всем том, что поддерживает современный буржуазный строй.

Свое неучастие в милитаризме он должен выразить отказом поступить на военную службу или дезертирством.

Свое неучастие в криминализме он должен выразить отказом от всякой криминальной профессии: не только палача, тюремного инспектора, прокурора, но и судьи присяжного, адвоката.

Свое неучастие в праве частной собственности на землю и средства труда он должен выразить отказом от земли и орудий труда в пользу тех, кто эту землю обрабатывает или данными орудиями пользуется.

Свое неучастие в авторитаризме и бюрократизме он должен выразить отказом стать одним из участников временного правительства, которое могло бы во время революции захватить власть для благодетельствования народа свыше.

Положение милитариста, криминалиста, частного собственника на землю и орудия производства и положение правительственного лица должно быть анархисту так же противно, как положение попа, палача или профессора полицейско-жандармского или государственного права.

Но одной идейной пропагандой и индивидуальными действиями дело анархиста не исчерпывается. Чисто индивидуальные

действия приводят лишь к тому, что современный буржуазный строй не получает новой опоры. Ибо всякий, кто *подчиняется* господствующему строю жизни, тем самым *укрепляет* его; тот же, кто *отказывает* ему в подчинении, *расшатывает* его. Важно не одно лишь неусиление буржуазного строя, а энергичное и быстрое уничтожение и устранение его.

Последнее может быть достигнуто двумя средствами: всеобщей стачкой и массовым *action directe*.

Под *всеобщей стачкой* разумеется одновременное прекращение работ в той части промышленности, которая вызывает простановку большей части жизни страны — например, стачка железных дорог и телеграфа.

Под *массовым action directe* разумеется непосредственное овладение на коммунистических началах: крестьянами — землей, а рабочими — фабриками, заводами и мастерскими.

Массовые действия, само собою разумеется, целесообразны лишь тогда, когда производятся не под влиянием отдельных агитаторов, а в силу пробудившегося сознания самих народных масс и притом без пролития крови.

10. Вопрос о терроре

Раз мы убедились, что и для борьбы с царящим современным злом и для достижения анархического строя одинаково важны прежде всего внутренний духовный подъем и культурное возрождение людей, то мы понимаем, что всякие террористические акты против отдельных лиц и насильственные акты одной части населения против другой — не могут сами по себе привести к цели, и надо стараться не о них, а о культурной работе в указанном выше направлении.

Террористические акты — дело темперамента и малосознательных инстинктов. Они имеют место при всяком народном движении, как консервативном, так и либеральном или социалистическом. Террор до сих пор был свойственен анархизму в гораздо меньшей степени, чем всякой другой политико-социальной системе. Наиболее сильна террористическая агитация как раз в консервативных и правительственных кругах. <...>

Путем террора можно усмирять, мстить, но не убеждать и возрождать к новой жизни. Вот отчего террор является постоянным образом действия всяких правительств по преимуществу;

прогрессивные же партии пользуются террором главным образом как средством самозащиты.

Самый страшный для современного мира вид террора есть террор из отчаяния и злобы. <...> Пока человек невежествен и не понимает, что политическая власть и частная собственность на землю и орудия производства — есть преступление, он гибнет безропотно, а как только он это понял, он становится борцом-мучеником, подобно Бакунину или Элизе Реклю, или подобно Эмилю Анри... мстит.

Террор из самозащиты, мести и отчаяния исчезнет только вместе с террором правительств и капиталистов. Это — один из видов криминализма, несовместимый с культурой. Как средством *для установления нового строя* им предлагают пользоваться только политические недочулки, полные революционного жара, но страдающие полным отсутствием революционного смысла.

11. Партийность и анархизм

Всякая партия представляет собою государство в миниатюре. В ней, как и в последнем, своя бюрократия, свои законы и циркуляры, своя чиновная иерархия, своя предвыборная и послевыборная агитация и свой аппетит к абсолютной политической власти.

Я полагаю, что нет надобности официально принадлежать к партии, чтобы делать полезное дело в духе анархического коммунизма.

Образованные люди всех стран света, когда им приходится встретиться, не нуждаются в официальном значке «партии образованных людей», чтобы почувствовать друг к другу интерес и симпатии.

То же и анархисты.

Необходимое единство мнений достигается предписаниями центрального комитета партии так же мало, как и указами самодержца или конституционного правительства. Нельзя заковать мнения людей в одну форму. Разнообразие необходимо для самого прогресса...

Каковы бы ни были ваши философские и религиозные убеждения, но раз вы противник насилия человека над человеком и считаете *автономию мысли и поведения* и *общественную собственность* краеугольным камнем социально-политического развития, то вы — анархические коммунисты. Незачем тратить

даром время на всякие партийные программы. <...> Интересы самого дела одни подсказывают должный образ действий, вопреки партийным циркулярам. Так, авторитарные социалисты, как известно, гнушались анархических средств борьбы — всеобщей стачки и *action directe*, — а между тем русская революция одержала некоторые временные победы только благодаря этим анархическим средствам. И пусть русские авторитарные социалисты отрещиваются от анархических средств борьбы сколько им угодно, но именно они тем не менее сделали эти средства популярными в России и во всем мире и заставляют всех ближе присмотреться и к анархической теории.

